

К 100-летию
со дня смерти
И. А. ГОНЧАРОВА

по желанию Вашему, тем лицам, которые неблагоприятны для подписки на журнал, чтобы не было ущерба последнему. Впрочем, это число оттисков ни в коем случае не повлияло бы — как капля не убавит воды в море.

В заключение повторяю мою просьбу, высказанную мною перед уходом Вашим от меня, — именно уведомить меня, если участие мое в журнале Вашем принесет ему ощутительную, ожидаемую Вами пользу — потому что как и сомневаться нельзя, успех журнала будет хоть в малой доле — вместе и успехом моего вклада, что не может не быть приятно авторам или всем вкладчикам, следовательно, и мне.

<Пожелания с Новым годом>

ГОНЧАРОВ

*** Судя по письму И. А. Гончарова, написанному сразу после визита А. А. Навротского (1839—1914) — писателя, поэта и издателя, редактора журнала «Русская речь», тот хотел получить согласие писателя печатать произведения только в его журнале, который начал выходить с января 1879 года. Гончаров дорожит своей независимостью и возможностью свободно располагать творениями своего пера. Он спешит письменно подтвердить правило, которого он придерживается с самого начала литературной деятельности. Этому правилу он не хотел бы изменить и в отношениях с редак-

ПИСЬМА,

ИЗБЕЖАВШИЕ

КАМИНА

Лит. Россия. — 1991. — 27 сент. — с. 14—15.

временно забытый. И вот в таком-то настроении пришлось ему принять издателя «Нивы» Маркса. Прием посетителя был оказан далеко не поощрительный, но тот не смутился.

— Не дадите ли что-нибудь для «Нивы», Иван Александрович?

— Что вы! Что вы! Ничего у меня нет да и не может быть. С литературой я покончил. Нет! Нет!

— А может быть, все-таки найдется что-нибудь... Хоть из старого... Ваше имя...

— Что мое имя? Кому оно теперь нужно? Нет, пожалуйста, оставьте меня в покое.

И даже привстал с места: аудиенция, мол, окончена. Маркс тоже привстал, но не прощается.

— Я предложил бы Вам, Иван Александрович, по тысяче рублей за лист...

Замаялся.

— Да что, право... Я уж и не знаю. Как-нибудь пошлю. Если что найдется...

А Маркс в карман.

— Я даже захватил с собой на всякий случай небольшой аванс... за два листа, если позволите...

— Ну, вот! Как же так... Посидите, пожалуйста, я пороюсь.

Пороюсь, достал рукопись, вручил ее Марксу в обмен на две тысячи и очень приветливо с ним расстался. Это были очерки «Слуги».

Необыкновенно высокий гонорар заставил говорить и некоторых других современников. Например, В. П. Гаврицкий написал в дневнике 28 сентября 1887 года: «Встретил Плещеева, который сообщил мне, что Гончаров написал повесть и продал ее в «Ниву» по 1000 р. за лист, всего за 6 000 р. Такой платы еще до сих пор не было».

А. А. НАВРОТСКОМУ

23 декабря 1879 года

Третьего дня гость помешал нам закончить разговор, когда Вы уходили от меня, многоуважаемый Александр Александрович***, и я, во избежание всяких между Вами и мною недомолвок и недоразумений в будущем, не лишним считаю дополнить мой ответ на Ваши последние слова, сказанные Вами, когда гость уже вышел.

Вы говорили мне об условиях, положенных Вами и Вашими компаньонами, или «пайщиками», как Вы назвали их, относительно гонорария за мои труды, в случае, если бы я пожелал на будущее время поместить еще что-нибудь из своих сочинений в журнале «Русская речь».

Я успел только ответить на это, что «о будущих моих литературных трудах (которых пока еще нет или если есть, то в проекте) теперь и речи заводить нельзя».

Подтверждая сказанное мною, вновь напомню Вам мой постоянный refrain, который я повторял оба раза, когда давал мои статьи для Вашего журнала, и именно: что я никакими обещаниями себя не связываю и удерживаю за собой полную свободу располагать помещением моих статей в тех или других журналах на будущее время, если только будут писать еще что-нибудь.

Поспешаю прибавить, что я не имею никаких причин обходить Ваш журнал и не имею также в виду отнести это к другим периодическим изданиям, а оставляю за собой свободу действия — по принятому мною, с самого начала моей литературной деятельности, правилу — не связывать себя обещаниями по простой причине: исполнение обещаний не всегда зависит от нас, а больше от обстоятельств, иногда неодолимых.

Это мое правило никогда не мешало моим добрым отношениям с редакторами журналов, с которыми я имел дело, — и, конечно, не помешает и моим, очень приятным для меня отношениям к Вам. Я только хотел напомнить Вам это мое правило. Я уверен, что Вы сами одобрите его основательность и добросовестность.

Благодарю Вас за аккуратность вообще, и между прочим за аккуратное доставление отпечатанных оттисков, которые буду раздавать немедленно и с разбором —

цией журнала «Русская речь». Он напоминает: «Я повторил оба раза, когда давал мои статьи для Вашего журнала, и именно: что я никакими обещаниями себя не связываю и удерживаю за собой полную свободу...»

А. А. Навротский незамедлительно ответил Гончарову письмом от 27 декабря 1879 года, уточняя условия печатания, принятые редакцией журнала, внося определенность в их отношении.

В «Русской речи» Гончаров напечатал очерки «Лучше поздно, чем никогда» (№ 6, 1879), «Литературный вечер» (№ 1, 1880) и «По Восточной Сибири (В Якутске и в Иркутске)» (№ 1, 1891).

Н. Ф. КРУЗЕ

Пятница 8 июля <1873>

Дни так хороши, теплы, вечера так ясны, многоуважаемый Николай Федорович****, что обещать в подвалчике Hôtel de France — преступно. Я вчера встретил в Летнем саду Маковского¹, и мы отправились с ним опять в Зоологический сад, где я и обедал, или просто был (около 9 часов) — и дали мне не хуже того, что подают в скромном обеде нашей отели. Там же мы видели и А. Ф. Кони², были вместе и в театре.

Анатолия Федоровича я жду сейчас между 4 и 5 часами к себе: он был так добр, обещал заехать прочесть проект моего духовного завещания. Не знаю, не подвигнется ли он куда-нибудь обедать за город или просто в Летний сад, может быть, ему уже и некогда.

Я тоже еще не знаю, где буду, в Летнем ли саду, или, если погода нахмурится, — в Hôtel de France — во всяком случае не знаю, увижусь ли с Вами нынче или нет — и не знаю также, когда Вы идете, боюсь, что, пожалуй, Вы и уедете вдруг не повидавшись, то поспешаю препроводить при этом брошюру мою с просьбою благоволить взять труд отвезти ее в Москву и передать, как Вы любезно обещали, Сергею Михаловичу Соловьеву³.

Впрочем, я никак не хочу думать, что не увижу Вас перед отъездом: в случае дурной погоды даже сегодня же, вероятно, увижу в Hôtel de France.

Если б погода была, как вчера, безусловно, хороша и не мурлыкала — я предложил бы Вам сейчас же накрыть нас с Анатолем Федоровичем у меня и увлечь куда-нибудь. Но вот тучи ходят и неизвестно, что будет.

Ваш ГОНЧАРОВ

¹ Маковский Константин Егорович (1839—1915) — художник, был членом Артели художников и членом-учредителем Товарищества передвижников.

² Кони Анатолий Федорович (1844—1927) — видный русский юрист и общественный деятель, сенатор, член Государственного совета, академик (с 1900 г.).

³ Несмотря на разницу в возрасте (32 года), Гончаров и Кони были большими друзьями. Именно к началу 1870-х годов относится их наиболее близкие отношения, хотя они познакомились в 1850-х годах, когда писатель уже вернулся из кругосветного путешествия на фрегате «Паллада». «В начале семидесятых годов, — вспоминал А. Ф. Кони, — я снова встретился с ним и, сойдясь довольно близко, пользовался его неизменным дружеским расположением в течение последних пятнадцати лет его жизни» («И. А. Гончаров в воспоминаниях современников», Л. «Художественная литература», 1969. Стр. 238). Писатель сделал А. Ф. Кони своим душеприказчиком.

⁴ Соловьев Сергей Михайлович (1820—1879) — историк, с 1845 г. — профессор Московского университета.

7 декабря 1878 года

Многоуважаемый Николай Федорович! Еще в октябре я прочитал в некоторых здешних газетах, что кто-то в Москве будто бы переделал мой роман «Обрыв» в драматическую пьесу, с целью поставить ее на сцену.

Я счел это за неверный, газетный слух и не придавал ему никакого значения, так как никто предварительно не обращался ко мне с вопросом о моем согласии на переделку, как это принято делать, кроме других причин, из простого приличия.

Но недавно воротившийся из Москвы один мой знакомый подтвердил этот слух и прибавил, что пьеса уже приобретена каким-то драматическим кружком для своей библиотеки.

Мне, однако, все еще не верится, и я решаюсь обратиться (по жительству Вашему в Москве) с покорной моей просьбой к Вам осведомиться там, справедлив ли этот слух и если он подтвердится, то кто автор переделки? Мало того: если он не знаком Вам лично, то не окажется ли возможным, через кого-нибудь, постараться отклонить его от намерения ставить пьесу на сцену?

Ко мне прежде обращались с вопросами о моем согласии на подобные переделки, и я всегда отвечал отрицательно.

Не распространяюсь о причинах этого моего нехотения, полагая, что это и не нужно. Может быть, если автор переделки — порядочный человек или, что называется, *galant homme*¹, как я полагаю, узнав о моем нежелании видеть переделки из моих сочинений для театра, он и сам сочтет справедливым отказаться от постановки пьесы на сцену.

Извините меня за эту, может быть, нескромную просьбу. Я хотел обратиться к В. И. Родиславскому и к А. Н. Островскому, как к прямым источникам драматического дела, но первому я так мало лично известен, а второй так озабочен своими сценическими делами, что моя просьба к ним показалась бы, может быть, еще более нескромною. Вот я и обратился к Вам в надежде на Ваше снисходительное и доброе ко мне расположение, которое прошу Вас всецело сохранить за мной.

Искренне преданный
И. ГОНЧАРОВ

Карандашом: об имени автора переделки и его адрес можно узнать в театральной библиотеке Сергея Федоровича Розса (окончание неразборчиво. — Е. Д.) в Газетном переулке между Тверской и Дмитровской.

¹ Благородный человек (франц.).

**** Николай Федорович Крузе (1823—1901) и Гончаров подружались, вероятно, в 1858 году, во время события, имевшего большой общественный резонанс и не оставившего безучастным писателя. В начале 1858 года Н. Ф. Крузе был уволен с должности цензора Московского цензурного комитета «за послабление печати». Известные писатели и журналисты составили адрес Н. Ф. Крузе, в котором сочувственно оценивалась его роль. Адрес подписал и Гончаров, поставив свое имя рядом с Н. А. Некрасовым, Н. Г. Чернышевским, Н. А. Добролюбовым, И. С. Тургеневым, М. Е. Салтыковым-Щедриным, Д. В. Григоровичем (всего 59 подписей).

Публикуемые письма передают атмосферу близких, дружеских отношений писателя и бывшего коллеги цензора. Общество Крузе и беседа с ним были Гончарову приятны, что и подтверждается его надписью на фотографии, подаренной им супругам Н. Ф. и М. А. Крузе: «На приятное воспоминание о беседах на берегах Мойки».

М. И. СЕМЕВСКОМУ

<Петербург> 21 ноября 1888 года

Многоуважаемый Михаил Иванович****!

Прежде всего позвольте выразить Вам и супруге Вашей мое искреннее и глубокое соболезнование о постигшем Вас великом семейном горе. В эти тяжелые для Вас дни я не решался тревожить Вас никаким, посторонним печали Вашей, делом — и до сих пор не благодарил за любезное доставление мне моего портрета, назначаемого Вами для помещения в Вашем журнале в начале будущего года.

Мои знакомые находят портрет довольно удачным, особенно хвалят гравировку.

Что касается до меня самого, то я полагал, что вследствие моих словесных и письменных возражений против приложения портрета к «Русской старине» Вы откажетесь от этого намерения. Я нахожу, что портрет не бог знает какого важного, как я, например, деятеля, да еще при моей жизни, когда для меня наступила только старость и не наступила «старина», такой портрет как будто не на месте в Вашем серьезном, посвященном историческим материалам, сборнике. Другое дело иллюстрировать журналы, где звери, птицы, исторические деятели и писатели уживаются в одной клетке. В таких изданиях картинка доставляют и цель и средства. Но Вы хозяин в своем доме, и я не могу и не желаю стеснять Вас.

Позвольте только, если Вы уже непременно пожелаете приложить мой портрет к «Старине», просить Вас покорнейше не прилагать разбора или оценки, особенно хвалебной, и вообще текста. Если же последний окажется неизбежным, то нельзя ли ограничиться простым сухим перечнем моих сочинений или биографических данных, как это, по моей просьбе, сделала редакция журнала «Нива» в январском № 1 этого года? Этим Вы обяжете меня.

Примите вновь выражение моего искреннего участия к Вашей семейной потере и также уверения в моем истинном почтении и преданности.

И. ГОНЧАРОВ

**** Редактор-издатель журнала «Русская старина» Михаила Ивановича Семевского (1837—1892) и Гончарова периодически связывали деловые и в некоторой степени приятельские отношения. Так, в 1874 году они вместе участвовали в редакционно-издательском комитете «Складчина». В ноябре 1875 года Гончаров сделал запись в альбом Семевского «Знакомые», высказав здесь свое возражение по поводу издания после смерти автора произведений, не предназначенных им для печати¹. Весной 1888 года Гончаров прочитал ему очерк, посвященный памяти А. В. Никитенко, о котором редактор «Русской старины» отозвался как «о целой художественной картине».

В публикуемом письме Гончаров благодарит М. И. Семевского за присланный отклик своего портрета, предназначенного для «Русской старины». Вопреки просьбам Гончарова Семевский поместил в приложении к мартовской книжке журнала за 1888 год портрет писателя, гравированный художником И. И. Матушинным с фотографии Деньера (январь 1886 г.). Здесь же была опубликована статья О. Ф. Миллера «Иван Александрович Гончаров. Очерк к его портрету. 1812—1889»².

¹ Знакомые. Альбом М. И. Семевского. СПб., 1888. Стр. 64—65.

² «Русская старина». 1889. Т. I, март. Стр. 635—643.